

НАЦИОНАЛЬНАЯ ОРИЕНТАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ: НЕОБХОДИМОСТЬ И ФОРМЫ РЕАЛИЗАЦИИ

В. М. Кульков

В статье раскрываются место и роль политической экономики в структуре современной экономической теории. Показывается востребованность национально ориентированного подхода к политэкономии, анализируются формы реализации национальной специфики в экономической теории.

1. Структурное место политэкономии в современной экономической теории

Неумолимо приближающийся 400-летний юбилей введения в научный оборот термина «политическая экономия» лишний раз подчеркивает мощь связанного с ним историко-научного наследия. Однако реактуализация политэкономии, конечно же, вызвана не столько предъюбилейной атмосферой, повышающей тонус научной жизни, сколько при-

чинами, порожденными современной реальностью.

Одна из них — в ее остро обнаружившейся востребованности при объяснении целого ряда современных процессов. И последний мировой экономический кризис (толком еще не разрешившийся, грозящий второй волной и заставляющий по-прежнему находиться в неопределенности весь мир), и все более проявляемое желание глубже разобраться в содер-

жании социально-экономической системы, сложившейся в результате рыночных трансформационных процессов в России, и необходимость определения вектора дальнейшего развития страны — все это с еще большей остротой обнажило необходимость именно политэкономического взгляда на современную экономическую жизнь. Особое значение при этом приобретают такие характеристики, традиционно закрепившиеся за политэкономией, как системность анализа, акцент на сущностных свойствах и причинно-следственных связях, обоснование объективных экономических законов, указание на связь экономических отношений с уровнем и характером производительных сил (ресурсов), выделение характерных исторических этапов развития и их критериев, социальный аспект исследования, воспроизводственный подход к экономическим процессам и др. Анализ перехода к инновационной экономике, модернизации экономической жизни — то, что определено сейчас в качестве стратегической задачи развития России — был бы неполноценным, если бы не исходил из взаимосвязи технологических, экономических и социальных процессов и других названных выше характеристик.

Свидетельством реактуализации политической экономии является также и все более ощущаемая неполнота социально-экономического знания и анализа, односторонность (некомплексность) представления об экономических системах, что ведет к выводу о необходимости особой ниши в структуре современной экономической теории, которую и могла бы занять политическая экономия. В условиях монополии мейнстрима даже такая уступка становится проблемной. К тому же многие политэкономы и сами не склонны занимать «нишевую» позицию, ощущая за собой многовековую научную традицию.

Тут можно говорить о двух вариантах реализации современного политэкономического проекта по степени охвата предметного пространства экономической теории, более конкретно — по степени охвата экономической системы, экономических отношений. В более широком (максималистском, амбициозном) варианте политэкономия позиционирует себя как всеобъемлющее выражение экономической теории, противостоя таким же претензиям неоклассического мейнстрима. Она претендует на все предметное пространство экономической теории, на раскрытие всего содержания экономической системы, экономических отношений, без применения каких-либо

«подпорок» или дополнений. В узком же варианте политэкономия ассоциируется с особой частью экономической теории, занимая в ней своеобразную нишу и претендуя на свою долю в общем предметном пространстве современной экономической теории, на свой взгляд на экономическую систему и экономические отношения. Исходной предпосылкой такого понимания является то, что экономика — это многосторонняя система, а потому и теоретическое представление о ней должно быть многоаспектным, содержать разные ракурсы научного анализа, покрываться разными направлениями экономической теории, в числе которых важное место может и должна занимать политическая экономия. Методологической основой такого подхода можно считать конвенционализм, предполагающий сосуществование различных подходов, нацеленных на освоение разных граней одного и того же предмета.

Какова же в таком случае ниша политэкономии? Политэкономия занимается, прежде всего, изучением экономических отношений как социально-экономических отношений, связанных с социальными интересами разных субъектов собственности и раскрывающих господствующий тип социально-экономического присвоения, сущностный характер социально-экономического строя страны. Здесь политэкономия соотносится с направлениями, одно из которых (неоклассика и во многом кейнсианство) сводит экономические отношения к функциональным связям, складывающимся в процессе движения товарных, ресурсных и финансовых потоков в экономике и отражающим деятельность субъектов по рациональному использованию ограниченных ресурсов и по стабилизации экономики, а другое, институциональное — к правилам игры (институтам), утвердившимся в экономике (в данном случае берутся два наиболее распространенных направления, хотя их общее число значительно больше). При этом, естественно, возникает вопрос о точности проведения разграничений между названными сферами и, в частности, о том, может ли, например, политэкономия вторгаться (а если да, то в какой степени или в какой форме) в микроэкономическую, макроэкономическую и институциональную сферы экономической системы? Однако наличие подобных вопросов не отменяет наиболее существенного в данном случае вывода о важном и необходимом месте политэкономии в общей структуре экономической теории.

В соответствии с таким подходом в качестве основных структурных частей современной

экономической теории можно выделить политическую экономию (или «социально-экономическую теорию») [4, с. 20], теорию рационального использования ресурсов и макроэкономической стабилизации (микроэкономике и макроэкономике в их утвердившемся виде), институциональную теорию. Политэкономия, таким образом, занимает свою особую нишу (из трех основных имеющихся) в общей структуре экономической теории, попадая в сферу конвенциональных разграничений ее общего предметного пространства. Часто используемый термин «общая экономическая теория», по нашему мнению, как раз и способен отразить указанное триединство современной экономической теории.

Можно сформулировать и еще два критерия выделения политэкономии в общем пространстве экономической теории. Один из них связан с пониманием экономических отношений как производственных отношений, исходя из признания примата производства и важной роли трудового фактора и воспроизводственного подхода к пониманию экономических связей. Здесь политэкономия противостоит направлениям экономической теории, исходящим из приоритета сфер обращения, потребления (потребности). Это касается как общего взгляда на структуру экономики и экономических взаимодействий, так и понимания отдельных категорий или блоков экономической системы — например, по поводу субординации функций денег: функция меры стоимости (трудоу стоимости) или функция обращения должна быть исходной в структуре функций денег?

Еще один критерий проявляет себя через отражение в экономических отношениях общественного начала, реализующегося в общественных (коллективных, групповых) интересах, включая национальные интересы, а также интересы, роль и место крупных общественных групп (классов, социальных слоев, различных групп влияния и т. п.). В методологическом плане здесь находит свое выражение (хотя не всегда и не во всем) методологический холизм (коллективизм), и в этом отношении политэкономия противостоит направлениям, опирающимся на методологический индивидуализм (маржинализм, неоклассику, во многом — неинституционализм и др.). По данному признаку в политэкономическую обойму следует включать, помимо классико-марксистского наследия, и значительную часть отечественной политэкономии (как советского, так и досоветского периодов), и «национальную политэко-

номию» (она будет особо проанализирована ниже), и некоторые формы традиционного институционализма, а также (с большой оговоркой) «новую политическую экономию». Что касается «новой политэкономии», то, опираясь на неоклассический инструментарий и презентуя себя как «микроэкономически детерминируемая» теория [10, с. 6], она, казалось бы, выводит себя из традиционного поля политэкономии, но другой своей стороной она, фиксируя свое внимание на групповых интересах (например, в разделе «теория коллективного действия»), в некоторой степени вторгается на территорию, которую принято считать политэкономической. Кстати, в одной из современных широких трактовок рамок политэкономии в эти рамки могут быть помещены и новая политэкономия, и другие, более известные школы, определяемые авторами как либерализм, дирижизм, историзм, марксизм-ленинизм, институционализм [13].

В более узком понимании о присутствии политэкономии можно говорить в том случае, когда реализуются указанные выше особые черты предметного поля экономической теории: либо все три, либо хотя бы одна — хотя, понятно, степень «политэкономичности» при этом будет разная.

В таком понимании политэкономия предстает не только как историко-научное наследие, но и как важная необходимая часть современной экономической теории, способная претендовать на свое особое место в ее более объемном предметном пространстве. Понятно, что это требует расширения координат этого пространства по сравнению со сложившимися рамками неоклассического мейнстрима. Но это требует также и более гибкой позиции политэкономов, и преодоления ими комплексов всеобъемлющей теории, и умения работать в рамках конвенциональных соглашений.

Но это, вместе с тем, не означает тотального и окончательного погружения политэкономов в «нишевое мышление». Заняв определенное место в структуре экономической теории, политэкономия, опираясь на свой мощный теоретико-методологический потенциал, может и должна расширять поле своего анализа, показывать свои возможности в новых сферах. По сути, она должна перенять от неоклассики эффективное оружие «экономического империализма», преобразуя последний в «политэкономический империализм». Он может выступить в данном случае в двух формах: внутреннего и внешнего «империализма». Внутренняя его форма реализуется в рамках самой экономи-

ческой теории и способна сместить соотношение в структуре этой теории в пользу политэкономии. Среди возможных заметных направлений такой реализации: расширение воспроизводственной трактовки кризиса в его современном выражении, понимание современной природы долговой экономики как сферы мультипликации фиктивного капитала, более глубокое проникновение в сферу рентоориентированного поведения через развитие и видоизменения известной теории земельной ренты, показ специфики и границ общества потребления с использованием идеи товарного фетишизма и т. п. Главное здесь — современное видение экономических процессов, их современная трактовка с использованием богатого арсенала научного наследия.

Политэкономия способна реализовать себя и в форме «внешнего империализма». Для этого она должна смелее проникать в новые сферы, которыми она ранее пренебрегала, высокомерно считая их предметом других наук и тем самым безнадежно (причем добровольно, самоустраняясь) проигрывая фронтальному наступлению «всеядной» неоклассики и неoinституционализма. Но для этого необходимо больше внимания уделять междисциплинарным вопросам, преодолевать узкоэкономический подход к своему предмету исследования, учиться использовать политэкономический научный аппарат для анализа разных сфер жизни.

Возьмем для примера проблематику «пространственной экономики», связанную с ролью географического (пространственного, территориального) фактора. Мейнстрим сумел войти в эту сферу, вроде бы традиционно принадлежавшую «региональной экономике» как конкретно-экономической учебно-научной дисциплине. В итоге появилась «новая экономическая география» (подобно параллельному возникновению «новой экономической истории» в неoinституционализме): к ней можно отнести и концепцию «географического распределения экономической активности» П. Кругмана; и используемую ею «модель Диксита — Стиглица», связывающую механизм монополистической конкуренции с географическими факторами в условиях возрастания отдачи от масштаба; и включение в состав изучаемых микроэкономикой форм несовершенной конкуренции так называемой «пространственной конкуренции»; следует отметить и то, что еще раньше представитель «теории пространственной организации» А. Лёш, отталкиваясь от концепций равновесных состояний,

обосновывал идею «пространственного экономического равновесия». Политэкономисты же молчали, забыв даже о потенциале учета фактора местоположения в концепциях земельной ренты в классической политэкономии (Д. Рикардо, К. Маркс). Между тем для политэкономии здесь открывается широкий фронт работы — и в особенности, в части трактовки единого экономического пространства (ЕЭП) через призму исповедуемого ею системного подхода. Во многом политэкономическим будет следующее определение ЕЭП: это локальная, ограниченная национальной территорией сфера экономических отношений, которая характеризуется системностью отношений и их однотипностью (прежде всего, по способам координации и типам присвоения), определенным масштабом производства, плотностью и насыщенностью хозяйственных связей, поддержанием экономической устойчивости, жизнестойкости и единства сложившегося пространства, целостным национальным производством, высокой мобильностью и минимальными барьерами хозяйственной деятельности, беспрепятственным движением ресурсных, финансовых и товарных потоков, экономической безопасностью территории. Конкретизация и систематизация указанных характеристик позволила бы политэкономам выйти на важные научные и практические результаты. И такого рода примеров можно было бы найти немало.

2. Востребованность национально ориентированного подхода в политической экономии

Возрождение внимания к политической экономии вызывается не только предъюбилейным интересом к богатому историко-научному наследию и не только ее обнаружившейся возможностью объяснения целого ряда современных проблем, и даже не только выявившейся потребностью в особой структурной «нише» в современной экономической теории, о чем речь шла выше. Можно увидеть и еще один ракурс такой реактуализации, связанный с потребностью теоретического отражения национального своеобразия экономики. И здесь уместно говорить о востребованности того направления политэкономии, которое в свое время получило название национальной политической экономии и было связано с именем Ф. Листа, с немецкой исторической школой. Именно он сформулировал сумму принципиальных положений, создавших основы национально ориентированного подхода в политэ-

кономическом анализе. В их числе: понятие «национально-экономические отношения», вбирающее в себя особенности страны, «своеобразное положение каждой отдельной нации» [3, с. 24], «различие между теорией производительных сил и теорией ценности» [3, с. 127], за которым видится признание приоритетности национального подъема производительных сил; более широкая трактовка последних с включением в них «всей совокупности общественных условий» [3, с. 155], приоритет народнохозяйственного подхода («общей пользы») как антитеза «разрушительного индивидуализма» [3, с. 151], включение в хозяйственную систему национальных интересов нацеленности на укрепление суверенитета страны.

Соотношение национально ориентированного подхода и абстрактной, универсальной экономической теории в терминологии Листа звучало как разграничение «экономии политической, или национальной» и «экономии космополитической» [3, с. 116]. Распространенное утверждение об эмпиризме такого подхода почему-то не учитывает того, что Лист позиционировал свои идеи в пространстве именно политической экономии при указании на решающую роль производительных сил и «национально-экономических отношений». Конечно, он не дал развернутого изложения этих идей в форме законченной научной системы, но он породил импульс разработки особого направления политэкономии, которое может быть обозначено и как «теория национальной экономики». Стоит заметить, что в современной Германии для обозначения экономической теории используется давний термин «Volkswirtschaftslehre», который дословно переводится как «учение (теория) народного (или национального) хозяйства». Применяется и более выпуклый термин «национальная экономия» — в частности, у известного немецкого теоретика второй половины XX в. Э. Прайзера [12]. В одной из трактовок [11] к школам «национальной экономии» относятся, кроме исторической школы, и такие известные направления, как физиократия, классика, марксизм, неоклассика, кейнсианство и другие — все они обращены к внутреннему (национальному) экономическому строю в отличие, например, от меркантилизма.

Принципиально то, что у национальной политэкономии есть свой собственный предмет, вписывающийся при этом в общее предметное пространство политэкономии и в целом экономической теории. Таким предметом выступает национальная экономическая сис-

тема как система экономических отношений в единстве с присущими стране экономическими и неэкономическими, внутренними и внешними факторами, отражающая воздействие всех этих факторов на экономику страны, обеспечивающая ее устойчивое функционирование и развитие, поддержание жизнедеятельности и расширенного воспроизводства на национальной территории и реализующая стоящие перед страной долгосрочные цели развития и национальные интересы. Более кратко, это — совокупность «национально-экономических отношений», теоретическое отображение которой не может быть обеспечено универсалистским пониманием политэкономии. Национальная система шире, полнее и сложнее стандартной (универсальной) экономической системы. Она по своей сути является смешанной системой, в которой смешанность продуцируется реальным разнообразием условий в данной стране.

Национальная экономическая система опирается на объективные предпосылки своего существования: это, во-первых, уровень развития и характер национальных производительных сил; во-вторых, специфические «национальные» неэкономические факторы (природно-климатический, географический, геополитический, социокультурный и др.), в-третьих, жизненно необходимые цели национального развития (для России — это суверенность развития, модернизация производства, «сбережение народа», сохранение территориальной целостности и т. п.). Данная зависимость может быть обозначена как закон соответствия национально-экономических отношений уровню и характеру национальных производительных сил, национальным неэкономическим факторам и целям национального развития. Как видно, формулировка закона идет в русле известной политэкономической терминологии.

Кто-то скажет, что такой подход подрывает научный принцип универсализма и, более того, выводит национальную политэкономия из структуры экономической теории. Это не так. Ведь сам принцип универсализма относителен — он подвергается ряду ограничений: академическому (наличие многих научных парадигм, описывающих один и тот же предмет), специфически-историческому (неодинаковые уровни исторического развития разных стран), национально-специфическому (разнообразие национальных условий). Далее, экономика страны (национальная экономика) есть объективная целостная реальность, нуждающаяся в системном научном оформлении.

Сведение национальной специфики только к сфере конкретно-экономических дисциплин (чаще всего, в рамках курса национальной экономики) нельзя признать достаточным. Соглашаясь с тем, что эти дисциплины обязаны анализировать состояние различных конкретных блоков (сфер) национальной экономики, конкретные механизмы государственного управления экономикой и т. п., необходимо видеть и другой, более глубокий пласт экономики, раскрывающий адекватный стране тип экономических отношений, сущность национального социально-экономического строя, характер национального воспроизводства и присвоения, содержание национальной экономической модели и т. п. Эти черты носят политэкономический характер и должны воплощаться в национально ориентированной части политической экономии и в целом экономической теории.

На сегодняшний день положение дел с теоретическим отражением национальной специфики экономики нельзя назвать удовлетворительным. Этому способствовала и обстановка, складывавшаяся в российской сфере экономической теории с начала 1990-х гг. В центр возникших тогда дискуссий, вращающихся преимущественно вокруг сопоставления «Капитала» и «Экономикс», вышли проблемы предмета и методов экономической теории, содержания экономических отношений и многие другие, более частные. Не умаляя значимости и содержания указанных споров, следует вместе с тем отметить, что они шли и идут в основном в одной плоскости, вызванной изначальными претензиями обеих парадигм на универсальность. Вопрос о национальной специфике, способах ее отражения в экономической теории ушел при этом на задний план.

Современная действительность (как общемировая, так и внутрироссийская) предъявляет востребованность в национально-ориентированном подходе. Последние десятилетия остро и в самых разных проявлениях показали, насколько цивилизационно разнообразен и противоречив современный мир. Мировой экономический кризис последних лет обнажил иллюзорность представлений об устойчивости мирового глобального порядка, обострил противоречия между национальным и глобальными параметрами, заставил страны больше заботиться о своих национальных интересах. Не случайно усилились критические нотки и в отношении претендующей на универсальность современной экономической теории со стороны как ученых, так и практиков,

политиков. Внесли свою лепту и студенты, отметившиеся за последнее десятилетие двумя знаковыми событиями: обращениями студентов Сорбонны и Гарварда о неудовлетворенности этой теорией, «замкнутой на себя» и «не отражающей реальности». Национальная политэкономия может заполнить имеющуюся брешь, войдя в режим уже упоминавшегося «политэкономического империализма». Через национальную спецификацию обеспечивается более понятный и действенный выход экономической теории на хозяйственную и социально-политическую практику, на обеспечение национальных экономических интересов. Кроме того, национальная политэкономия (теория национальной экономики) может стать основой «большого национального научного синтеза», если сможет показать потенциал интегральности разных парадигм, низанных на национальный стержень. К тому же не следует забывать и о чисто российской необходимости в национальном анализе (необходимость осмысления сложившегося строя, преодоления накопившихся деформаций, усиления общегосударственной консолидации, выбора путей модернизации экономики и т. п.). Таким образом, можно утверждать, что национально ориентированный подход востребован сегодня по целому ряду весомых причин. Это находит свое выражение и на официальном уровне. В последнем Послании Президента Федеральному Собранию РФ было заявлено о важности «национально ориентированного сознания» в том контексте, что «в мире XXI в. ... мы должны не просто уверенно развиваться, но и сохранить свою национальную и духовную идентичность, не растерять себя как нация. Быть и оставаться Россией» [5]. «Национально ориентированное сознание» применительно к экономической сфере — это, по нашему мнению, как раз то, на что направлены усилия теории национальной экономики (национальной политэкономии).

Таким образом, в современных условиях востребованной оказывается не только политэкономия в целом, но и (в особенности) национальная политэкономия. Более того, если возрождение политической экономии не будет сопровождаться реанимированием национально-экономического подхода, то оно может быть дискредитировано тем, что выльется в «глубокомысленное» схоластическое теоретизирование, малозначимое для понимания острых проблем современной экономики.

3. Формы реализации национально ориентированного подхода.

Для экономической теории, реализуемой в России, характерен дефицит национальной специфики. Он находит свое выражение в тотальном господстве универалистских парадигм и подходов, в сведении национальных характеристик экономики в основном к пассивным страновым иллюстрациям или к линейным формам проявления общих закономерностей, в отсутствии заметной связи со специфическими национальными факторами экономического развития, в слабом учете национального экономического мышления и научно-образовательных традиций страны. Преодоление этих недостатков возможно в рамках национально ориентированного подхода в политэкономии и в целом в экономической теории. Обратим внимание на конкретные способы его реализации.

Первый и самый простой способ — национальное иллюстрирование универсальных характеристик: например, рубль как национальная денежная единица России, величина ВВП страны, количественные выражения российского воспроизводства и другие характеристики, сопровождаемые фактологическими и статистическими данными по экономике страны. Можно сказать и так: это — национальное описание экономики, сама по себе привязка к отечественной экономике. Несмотря на свою простоту, этот способ выражения имеет значение, и не только в плане общего погружения в национальную среду. Достаточно вспомнить интерпретацию денежных агрегатов в учебниках по макроэкономике 1990-х гг.: детально расписывалось содержимое каждого агрегата со всеми долларовыми величинами депозитов и сертификатов, как это утвердилось в американской практике, без учета практики других стран, а тем более — присущей России денежной картины.

Второй способ выражения — это национальные формы проявления общих экономических законов, их видоизменения: например, особенности реализации функций денег, факторов и механизма совокупного спроса и предложения, национальные различия в заработной плате, количественные колебания мультипликаторов, коэффициентов эластичности, монопольной власти на отраслевых рынках, особенности национального воспроизводства, различные социальные параметры национальной экономики, конкретные способы обеспечения макроэкономической стабилизации и т. п. Можно, например, увидеть особенности «национальной нормы сбережения» в России, сопоставив ее с низкой американской и высо-

кой японской нормами сбережения и показав ее причины и последствия. Можно раскрыть и специфику российского экономического цикла, и многие другие национальные особенности экономики России. По существу, здесь реализуется известный философский принцип соотношения общего и особенного. При этом важно указание на то, что посредствующими звеньями трансформации общего в особенное выступают специфические национальные факторы, включая и такие, как социокультурный, географический (пространственный), природно-климатический, геополитический и подобные факторы. Они в этом качестве начинают выступать как эндогенные (внутренние) элементы национальной системы.

Третий способ есть продолжение предыдущего: но в отличие от, так сказать, линейных форм проявления универсальных характеристик здесь имеются в виду серьезные отклонения от этих характеристик, включая их деформации и даже их нереализацию. Примеров деформаций рыночных характеристик в российской экономике за последние двадцать лет накопилось великое множество: это деформации и рыночно-конкурентной, предпринимательской среды, и распределительных отношений, и форм занятости и безработицы, и кредитно-денежной системы, и воспроизводственных пропорций, и др. Впрочем, не стоит, как это стало принято, понимать под деформациями сугубо негативные явления, отклонения от «безусловно правильных» характеристик. Это могут быть и «национальные деформации», вызванные не рыночной недоразвитостью и искажениями экономической деятельности, а устойчивыми и в этом смысле объективными российскими условиями. Это касается, в частности, характеристик рыночно-конкурентной среды: формируют ли российские условия известную по мейнстриму и западной практике «правильную» среду? Или она обречена быть «неполноценной» по указанным параметрам, но национально оправданной? Что касается «нереализации», то приведем пример с известным «объективным» рыночным экономическим законом, изучаемым в экономической теории, начиная с английской классической политэкономии — законом сравнительных преимуществ: «Сравнительное преимущество — идея, изобретенная англичанами в то время, когда они считали, что способны сохранить мировую монополию в промышленности; эта теория использовалась для морального оправдания колониализма... В „асимметричной“ свободной торговле одна часть легко специализируется на

сравнительном преимуществе быть бедными» [6, с. 20-21]. Получается, что якобы «универсальный» закон не может и не должен быть реализован, поскольку противоречит реалиям национальной экономики, национальным целям и интересам, препятствует функционированию национальной экономической системы.

Четвертый способ выражения национального своеобразия сводится к «национальным эксклюзивам», свойственным именно данной стране и в силу этого универсальными не являющимся: к ним, в частности, можно отнести устойчивую потребность более сильного участия государства в России независимо от господствующего типа отношений на том или ином историческом отрезке ее развития. Роль государства в экономике России нельзя объяснить обычными провалами рынка или вывести из кейнсианской или марксистской теории — она продуцируется прежде всего уникальными условиями России, представляя собой единство экономической, социальной и цивилизационной сторон. Автор уже писал о них в контексте о «национальных экономических законах» [2, с. 68]. Суждения об особенностях действия экономических законов в условиях национальной специфики можно встретить у Ф. Листа (а позднее — и у С. Витте) — это «особые законы управления народным хозяйством», которые, «верные по отношению нации, могут быть вполне ошибочными по отношению человечества» [3, с. 260]; у Дж. Ходжсона — «особые правила, которые черпаются в разных культурах» [8, с. 185]; у А. Чаянова — «совершенно иные принципы» [9] функционирования разных укладов. В русле этих суждений идет и трактовка В. Рязановым «уникального в экономике», определяемого как такая «предельная форма особенного», которое «в другой системе, как правило, не приживается. Самым его характерным признаком становится неповторимость» [7, с. 103].

Пятым способом (методологического характера) можно назвать акцент на методе холизма (методологическом коллективизме), противостоящем методологическому индивидуализму. Беря за исходную точку целое, а не его части (а в экономической жизни — это отдельные хозяйствующие субъекты с их целеустремленной деятельностью), этот метод фиксирует внимание на целостности национальной экономики, на общенациональных целях и интересах.

Шестой способ носит научно-парадигмальный характер. Речь идет о подборе такой парадигмы, которая наиболее адекватна национальной экономической системе. Как

представляется, если западному индивидуалистско-потребительскому обществу более соответствует обменно-полезностная неоклассическая парадигма, то многие характеристики трудовой парадигмы более органичны для России, в которой исторически складывалось коллективистское «производственное сообщество»: под воздействием национально-специфических условий, факторов, целей, интересов на первый план здесь объективно выдвигаются задачи формирования материально-технической базы суверенного развития и общественной консолидации на основе трудовой морали. При этом надо заметить, что более значимым потенциалом в условиях реальной смешанной экономики как адекватной формы российской экономической системы обладает смешанная (конвенциональная) парадигма, в которой достойное место могут занять и институциональный, и кейнсианский, и другие фрагменты известных парадигм.

К седьмому способу можно отнести учет особенностей национального экономического мышления, реализацию национального стиля исследования, отечественных научно-образовательных традиций. В значительной степени все это восходит к социокультурным, цивилизационным ценностям и к своеобразию самой национальной экономики. К специфике российской экономической мысли можно отнести: комплексное социо-духовно-экономическое восприятие действительности; ее нацеленность на философско-методологическое обоснование экономических явлений и процессов; включение в анализ не только «сущего», но и «должного»; особое внимание к социальной стороне экономики, к социальной справедливости, к роли духовного и других неэкономических факторов; акцент на общенациональном (народнохозяйственном) уровне и трудовом характере экономики. Помимо прочего, следование этим принципам избавляет исследователя от «конфликта интересов» — профессионально-экономического и цивилизационного. Попутно стоит вспомнить также призыв К. Поланьи «избавиться от стереотипа, что экономика является тем полем деятельности, где бытие обязательно определяет сознание» [1, с. 95].

Наконец, высшей формой выражения национально ориентированного подхода в экономической теории и образовании нужно считать выделение теории национальной экономики (национальной политэкономии) в качестве относительно самостоятельной части политической экономики и экономической теории в

целом. О ее содержании и роли уже говорилось подробно ранее. Именно она способна вобрать в себя все перечисленные выше формы отражения национальной специфики в экономи-

ческой жизни и тем самым стать действенной основой выработки адекватной и национально ответственной политики.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. «Великая трансформация» Карла Полянши. Прошлое, настоящее, будущее / Под ред. Р. М. Нуреева. — М.: Изд. Дом ГУ ВШЭ, 2006. — 406 с.
2. Кульков В. Национальное в экономической теории и в ее вузовских курсах // Российский экономический журнал. — 2004. — №4.
3. Лист Ф. Национальная система политической экономии. — М.: Европа, 2005. — 382 с.
4. Основы национальной экономики: учеб. пособие / Под ред. А. В. Сидоровича. — М.: Дело и Сервис, 2009. — 530 с.
5. Послание Президента Федеральному Собранию. 12 декабря 2012 года. [Электронный ресурс]. URL: <http://президент.рф/news/17118> (дата обращения: 08.02.2013).
6. Райнерт Э. Реформирование России. Раунд третий. Соревнование или сравнительное преимущество? // Эксперт. — 2010. — № 36.
7. Рязанов В. Т. Хозяйственный строй России. На пути к другой экономике. — СПб.: Издат. дом С.-Петерб. гос. ун-та, 2009. — 463 с.
8. Ходжсон Дж. Экономическая теория и институты : пер. с англ. — М.: Дело, 2003. — 464 с.
9. Чаянов А. В. К вопросу о теории некапиталистических экономических систем: [сайт]. URL: http://situation.ru/app/j_art_691.html (дата обращения: 05.02.2011).
10. Behrends S. Neue Politische Ökonomie. — München, 2001. — 280 s.
11. Issing O. (Hrsg.). Geschichte der Nationalökonomie. — München, 2002. — 319 s.
12. Preiser E. Nationalökonomie heute. — München, 1992. — 140 s.
13. Schüller F., Krüsselberg H.-G. Grundbegriffe zur Ordnungstheorie und Politischen Ökonomik. — Marburg, 2002. — 218 s.

УДК 330.101.8+330.828.2

Ключевые слова: экономическая теория, политическая экономия, национальная политэкономия, теория национальной экономики, формы реализации национальной специфики